

А. В. Савицкая

НОВАЯ ШВЕДСКАЯ ЛЕКСИКА: НАЧАЛО XXI в.

Новейшая лексика всегда чрезвычайно притягательный объект для исследования. В то же время оно сопряжено с рядом трудностей, главной из которых, вероятно, можно назвать ограничение круга анализируемого материала. Поэтому удобно воспользоваться подборками новых слов, публиковавшимися с 2001 по 2007 г. в журнале «Språkvård», а после его реорганизации продолжающимися в настоящее время публиковаться в журнале «Språktidningen»¹. Общий объем этого материала составляет около 300 единиц. Основным источником подборок служат базы данных шведской прессы, и, по словам составителей, в них включаются слова и выражения, воспринимаемые как относительно новые для шведского языка и актуализировавшиеся за соответствующий год или зафиксированные в языке ранее, но по каким-то причинам не вошедшие в последний словарь новой лексики². Детально анализировать такой корпус примеров едва ли целесообразно, поскольку эти лексические единицы еще не устоялись в языке, и не исключено, что некоторые из них в дальнейшем, возможно, не войдут в его основной словарный состав и даже не будут включены в следующий словарь новой лексики. В то же время думается, что такой материал позволяет сделать ряд наблюдений, касающихся некоторых тенденций развития современного шведского языка.

Главное достоинство исследуемой лексики в семантическом плане — ее актуальность: почерпнутые преимущественно из языка прессы лексические единицы позволяют проследить, какие пробле-

мы особенно волновали и продолжают волновать шведское общество в самом начале XXI в. Не случайно каждый перечень собранных за год новых слов предваряют несколько строк, напоминающих о самых важных событиях прошедшего года. Так, события 11 сентября 2001 г. послужили поводом для того, чтобы многие шведские газеты назвали этот год «жестоким». «Жестокость» года нашла свое отражение и в лексике, так или иначе связанной с угрозой терроризма: *bioterrorism* ‘терроризм, осуществляемый с помощью биохимического оружия’, *pulverbrev* ‘письмо с зараженным бактериями порошком’, *bin Ladin-rabatt* ‘снижение цен на авиабилеты с целью привлечения пассажиров после событий 11 сентября 2001 года’. Война в Ираке обусловила появление таких словосочетаний, как *vaga / bli blixad* < Hans Blix ‘действовать под влиянием выводов Ханса Бликса — инспектора ООН по вооружениям’ и *inbäddade journalister* ‘журналисты, работающие, находясь в составе нападающих военных подразделений’. Дальнейшее развитие сотрудничества между странами ЕС придало новое значение выражению *social turism* (если раньше оно означало ‘туризм для более широких слоев населения’, то его новое значение — ‘приезд населения из более бедных стран ЕС в более богатые с целью воспользоваться преимуществами социального характера’) и гарантировало ряду блюд национальной кухни статус традиционной фирменной продукции (*garanterad traditionell specialitet, GTS*). Большое количество новой лексики принесло во все языки мира развитие информационно-технических технологий, не стал исключением и шведский язык. Его словарный состав пополнился такими словами, как *SMS-meddelande* ‘SMS-сообщение’ (с разговорным вариантом *mess* и производным от него глаголом *messa*), *blogg* ‘блог’, *digital-TV* ‘цифровое телевидение’ и многими другими. В новой лексике также находят свое отражение проблемы внутриполитического и просто бытового характера. На последних выборах в риксдаг значительного успеха добилась партия Центра, причем во многом благодаря своему лидеру Мод Улофссон, что сразу побудило шведов заговорить об «эффekte Мод» (*Maudeffekten*). Такой композит был образован по аналогии с уже имеющимся в языке словом *Westerbergeffekten*, связанным с аналогичным успехом лидера Народной партии Бенгта Вестерберга в 1985 г. В последнее десятилетие в Швеции большую актуальность приобрел вопрос о статусе шведского языка, что послужило толчком к многочисленным дискуссиям по

поводу форм и методов обучения языку, в частности, значительной прослойки иммигрантов, а также привлекло внимание к влиянию языка иммигрантов на шведский язык. Неудивительно, что среди новой лексики этого периода появилось два слова для наименования мультиэтнического варианта шведского языка — нейтральное *miljonsvenska* и пренебрежительное *blattesvenska*. О наличии определенных проблем во взаимоотношениях коренного населения Швеции с иммигрантами свидетельствует, вероятно, и присутствие в подборках нескольких слов, образованных от *svenne* ‘швед, средний швед’: *svennekoloni* ‘место, где доминирует шведское население’, *svennefiga* ‘приобретать привычки, характерные для шведов’ и *svennefieri* ‘ошведивание’. Из новой лексики можно узнать и о новостях шведской семейной жизни. Как известно, в ряде европейских стран семью теперь могут образовывать и лица одного пола. В Швеции такие пары имеют возможность оформить свои отношения юридически, но не церковно. Однако там было найдено некое промежуточное решение проблемы, которое зафиксировано в словах *kyrktrappsbröllor* и *kyrktrappsvisgel*, означающих, что юридическое оформление брака осуществляется на ступенях церкви. Интересными представляются и слова, связанные с воспитанием детей. Оказывается, например, что учебное заведение может выплачивать детям, усердно посещающим занятия, денежное вознаграждение, что находит отражение в словах *närvaropeng* ‘деньги за присутствие’ и *flitbonus* ‘бонус за усердие’. В приведенном в подборке примере из газеты речь, правда, идет о двух гимназиях, но думается, что сам факт включения этих слов в список новой лексики свидетельствует о том, что такое явление носит не единичный характер. К этой же теме примыкает и слово *curlingförälder* ‘родитель, стремящийся, во благо своего ребенка, убирать с его пути все трудности, подобно тому, как это делают игроки в кёрлинг’, о котором подробнее будет сказано далее. Перечень отразившихся в новой лексике проблем и событий этим, безусловно, не исчерпывается, однако, для более полной характеристики материала важно рассмотреть его источники и способы образования.

Основные способы пополнения словарного состава шведского языка — заимствование и словообразование. Для анализа новых заимствований удобно сопоставить данные подборок с данными последнего словаря неологизмов, включающего лексику 80–90-х годов³. Общий процент заимствований в исследуемом корпу-

се несколько ниже, чем в словаре. В то же время приблизительно пятую часть обоих корпусов составляют англо-американские заимствования. Среди них, естественно, много фонетических или, пользуясь шведской терминологией, «прямых» заимствований, которые преимущественно отражают достижения в области информационных технологий и некоторые явления современной действительности. Например: *webblogg* ‘вебблог’, *ip-tv* ‘Интернет ТВ’, *latteliberal* ‘1. излишне либеральный (о США); 2. ненастоящий либерал; *букв.* либерал, пьющий латте’, *flexitarian* ‘человек, то объявляющий себя вегетарианцем, то употребляющий мясо’. Заметим, что в отдельных случаях наряду с таким заимствованием в подборке может содержаться и его шведская калька: *daytrader* > *dagshandlare* ‘человек, занимающийся краткосрочной торговлей акциями по Интернету’, *trafficking* > *sexslavhandel* ‘трафикинг’, *functional food* > *funktionell mat* > *mervärdesmat* ‘особо полезная для здоровья пища’. Семантических заимствований в исследуемом материале немного: *personlig* ‘личный (в наименовании профессии)’ — *personlig astrolog* ‘личный астролог’, *personlig dietist* ‘личный диетолог’; *arfälla* ‘нечто столь притягательное, что человек, даже сознавая негативные последствия, не в силах от этого отказаться; *букв.* ловушка для обезьяны’. В то же время разного рода структурно-семантические или «переводные» заимствования составляют почти половину всех английских заимствований. Вот некоторые примеры: *dra ett streck i sanden* < *draw a line in the sand* ‘установить четкий предел’, *asymmetrisk krigföring* < *asymmetric warfare* ‘война между сторонами с принципиально разной военной организацией’, *julgranssyndrom* < *christmas tree syndrome* ‘состояние перегруженности (как у излишне украшенной рождественской елки)’, *skurkstat* < *rogue state* ‘государство-мошенник (не уважающее международные соглашения)’, *efterföljarskap* < *followership* ‘подражание кому-либо’, *vinterkräksjuka* < *winter vomit disease* ‘заразная болезнь желудка, сопровождающаяся рвотой и диареей’. Любопытно отметить, что два примера из этой группы попали в шведский язык из английского, хотя и были образованы от шведских имен. Это упомянутое выше выражение *vara / bli blixad* < *be Blixed* и *svenna sitt liv* < *sven your life* ‘организовать свою жизнь так, чтобы она была столь же успешной, как у футбольного тренера Свена-Йорана Эрикссона’. Кроме того, судя по комментариям в подборках новой лексики, шведам удалось «поделиться» с английским языком еще в двух случаях. В

2001 г. ученый секретарь Шведской академии Хорас Энгдаль ввел в обиход термин *vittneslitteratur* ‘произведения, описывающие события, свидетелем которых был сам автор’, а поскольку употребил он этот термин на Нобелевском симпозиуме, где рабочим языком был английский, то и в английском языке стало употребляться выражение *witness literature*. Новое шведское выражение *göra en hel pudel* ‘быть вынужденным униженно просить извинения’; *букв.* ‘сделать целого пуделя’ в «Файнэншл Таймс» сочли настолько удачным, что перевели его дословно: *do a whole poodle*. Подчеркнем попутно, что «целостность» пуделя в этом случае существенна, поскольку это выражение, появившееся в 2002 г., уже в следующем году обрело продолжение в виде возможности «сделать половину или три четверти пуделя», а также, при чуть меньшей степени униженности, «сделать лабрadora» (*göra en labrador*).

На фоне такого обилия англо-американских заимствований обращает на себя внимание крайне незначительное, даже по сравнению с последним словарем неологизмов, количество заимствований из других языков. Явно наблюдается сужение круга языков-источников заимствования. Даже немецкие и французские заимствования представлены в исследуемом корпусе единичными примерами, причем иногда попадающими в шведский язык через английский: *industrisafari*, *industrisightseeing* < *Industriesafari*, *Industriesightseeing* (нем.) ‘ностальгическое посещение старых, закрытых предприятий’, *triage* < *triage* (фр.) ‘выявление приоритетов при неотложной помощи больным’, *betårta* < *entarter* (фр.) ‘бросать торт в лицо оратору’. Конкуренцию этим двум языкам вполне успешно составляет японский язык, представленный тремя заимствованиями: *anime* ‘японская мультипликация’, *manga* ‘японские комиксы’, *sudoku* ‘японская головоломка’. Заимствования из других, более или менее экзотических для Швеции языков, включая русский, в корпусе примеров почти полностью отсутствуют. На этом фоне интересно наличие ряда заимствований из других скандинавских языков, преимущественно из датского. Из датского языка в этот период было заимствовано попавшее во многие языки слово *dogmafilm* ‘«догма» фильм’, уже упомянутое *curlingförälder*, а также *hjärtstartare* < *hjerterstarter* ‘дефибрилятор’ (правда, не исключено, что первым этим словом обогатился норвежский язык), *servicebarn* < *servicebarn* ‘ребенок, которому родители все преподносят на блюдечке’ и *flexicurity* ‘политика в области рынка труда,

предполагающая возможность регулярной смены деятельности при наличии социальных гарантий' (в датском языке слово было образовано по английскому образцу < flexibility + security). Из норвежского языка заимствованы: Ikeamonarki 'монархия, пользующаяся магазином ИКЕА' и mobilblottare 'человек, беззастенчиво обнажающий свою личную жизнь по мобильному телефону'. В ряде случаев, очевидно, трудно установить, какой скандинавский язык первым стал употреблять ту или иную лексическую единицу, и в комментариях подборок просто приводятся параллельные варианты. Сравнение со словарем новой лексики показывает некоторое увеличение числа заимствований из скандинавских языков.

Провести подробный анализ словообразовательной активности шведского языка на современном этапе в статье невозможно, однако исследуемый материал позволяет сделать некоторые наблюдения. Обращает на себя внимание тот факт, что в ряде случаев лексические единицы фиксируются в подборках уже сразу с несколькими производными. Наиболее часто это наблюдается, когда в языке уже имеется «подходящая» модель. Ср.: SMS-meddelande 'SMS сообщение' → mess → messa и e-brev 'электронное письмо' → mejl → mejla; tårta 'бросать в оратора тортом' → tårtare → tårtning и läsa 'читать' → läsare → läsning; reklemmare 'участник уличного оцепления, протестующего против засилья машин' → reklemja и vinterbadare 'любитель зимнего купания' → vinterbada.

Ведущая роль в создании новой лексики в шведском языке традиционно принадлежит словосложению, и новый материал лишь подтверждает этот тезис: более половины корпуса приходится на сложные слова. В то же время для каждого периода развития языка выделяются компоненты композитов, приобретающие особую актуальность. В исследуемом корпусе вполне закономерно присутствуют цепочки композитов, в которых один из компонентов указывает на новейшие технические достижения. Так, в 2000 г. появляется несколько композитов с первым компонентом e- (< elektronisk): e-bio, e-demokrati, e-learning/e-lärande; в 2005 г. в шведском языке фиксируются глагол podda (< Ipod) 'скачивать музыку на mp3-плеер', существительное poddare и композиты poddradio и poddsändning. Вместе с тем в разряд «модных» компонентов попадают и некоторые лексические единицы, уже давно устоявшиеся в словарном составе языка: tok- (< tokig) '*пренебрежительное* приверженец какого-либо воззрения или само воззрение': tokbiolo-

gist, tokfeminism, tokfeminist, tokliberal; -varning ‘предупреждение’: kioskvältarvarning, gubbvarning, kalkonvarning, kitschvarning, kultvarning, patetvarning, prettovarning, tantvarning. Любопытной представляется ситуация с композитами с первым компонентом curling-‘кёрлинг’. Упомянувшееся выше существительное curlingförälder было в 2004 г. заимствовано из датского языка. Еще в 1996 г. тогдашний лидер партии Христианских демократов Альф Свенссон ввел в оборот слово curlingpolitik ‘политика, облегчающая что-либо кому-либо в ущерб себе’, однако только датское заимствование, получившее широкое распространение в шведской прессе, стало толчком к возникновению новых композитов curlingpolitiker и curlingstat, а также созданию глагола curla ‘баловать’ и антонима к curlingförälder — rugbyförälder.

Анализ новейшей лексики позволяет предположить дальнейшее укрепление в шведском языке словообразовательной модели, сочетающей в себе словосложение и аффиксацию. Исследуемый корпус содержит ряд подобных примеров, правда, исключительно с суффиксом -are: blandkostare, vindvändare, dagshandlare.

В соответствии с духом времени и стремлением к максимальной экономии средств выражения, среди новейшей лексики встречается значительное количество разнообразных сокращенных обозначений как шведских (kis ‘ученики, способствующие созданию благоприятной атмосферы в школе’ < kamratstödjare, friva ‘временная должность без ограничения сроков’ < fri visstidsanställning, FAR ‘физическая активность по рекомендации врача’ < fysisk aktivitet på recept, prio < prioritet), так и заимствованных (hbt — заимствованное из английского языка собирательное наименование для гомосексуалов, бисексуалов и транссексуалов, sars < Severe Acute Respiratory Syndrome).

В отношении аффиксального словопроизводства сопоставление материала подборок с данными словаря новой лексики показывает приблизительно сходную картину. Все суффиксы, отмеченные в словаре как наиболее продуктивные⁴, в той или иной степени представлены и в анализируемом материале. Правда, у производных существительных здесь еще более явно доминирует суффикс -are: tårtare, bloggare, spinnare, timellare. Можно также отметить, что в состав новых композитов входит значительное количество вторых компонентов-дериватов с суффиксом -are: biovältare, förarstödjare, stafettläkare, snurmästare, hjärtstartare, tvillingshoppare, vårdvisare.

Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие новых усилительных префиксов типа отмеченного в материале предыдущего периода mega-. В глагольном словообразовании откровенно доминируют отсубстантивные глаголы на -a. Эта группа составляет около 7% анализируемого корпуса. Почти половина единиц либо прямые заимствования (betårta, stalka ‘маниакально преследовать’), либо производные от заимствований (messa < mess, blogga < blogg, googla < Google). Однако наиболее интересны собственно шведские неологизмы, поскольку они образованы от основ разного типа. Наряду с традиционными отыменными глаголами (krana ‘пить вино из коробки’ < kran, buda ‘предлагать цену’ < bud, gala in ‘сбирать деньги на благотворительность’ < gala) присутствуют, например, производные от усечения (legga ‘попросить предъявить удостоверение личности’ < legitimation) и от ряда имен собственных (sverka ‘предъявлять претензии к купленному товару’ < Sverker Olofsson — ведущий соответствующей программы по ТВ, svenna sitt liv < Sven-Göran Eriksson). Особо хотелось бы остановиться на глаголе fickla ‘светить фонариком’ < ficklampra. Этот глагол стал победителем конкурса на лучшее слово, проведенного в 2001 г. среди детей. Автору глагола, Виктору Нильссону на тот момент было 2 года и 4 месяца, и, по сообщению мамы, он тогда особенно любил светить фонариком под одеялом. Думается, что сам факт создания такого глагола маленьким ребенком свидетельствует о несомненной предрасположенности языка к такой словообразовательной модели.

Можно предположить, что далеко не всем лексическим единицам исследованного корпуса суждено в дальнейшем закрепиться в словарном составе шведского языка. Однако изучение такого материала всегда представляет интерес уже потому, что он ярко отражает проблемы, волнующие шведское общество на конкретном этапе развития. Проанализированная лексика наглядно демонстрирует ряд тенденций, характерных для развития современного шведского языка. Прежде всего это дальнейшее увеличение удельного веса англо-американских заимствований. Но, как справедливо отмечает Ф. Линдстрём, сам по себе процесс заимствования не столь опасен — он приобретет характер настоящей угрозы для языка, только если шведы будут довольствоваться заимствованиями и перестанут создавать слова и выражения собственными силами⁵. Исследованный материал убедительно показывает, что данная опасность шведскому языку не угрожает — в новейшей лексике находят

отражение почти все продуктивные в конце XX в. словообразовательные модели. К особенностям материала в этом аспекте можно, вероятно, отнести дальнейшее увеличение удельного веса производных существительных с суффиксом *-age* и отыменных глаголов, а также отсутствие отличающихся особой продуктивностью усиительных префиксов.

---

¹ Журнал *Språkvård*, отражавший новые тенденции в развитии языка, издавался Комитетом по шведскому языку до середины 2007 г., когда был преобразован в журнал *Språktidningen*, который издается в настоящее время Советом по шведскому языку.

² *Lindgren B. Några nyare ord i svenskan // Språkvård. 2002. Nr 2. S. 19.*

³ *Nyordsboken. Med 2000 nya ord in i 2000-talet. Svenska språknämnden och Norstedts Ordbok. Stockholm, 2000.*

⁴ *Moberg L. Inledning // Ibid. S. 13.*

⁵ *Lindström F. Världens dåligaste språk. Stockholm, 2000. S. 173.*

Anna Savitskaja

NEW SWEDISH WORDS AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

The article deals with analysis of lists of new words published in periodical *Språkvård / Språktidningen* between years 2001 and 2008. The total body of examples consists of around 300 words. By researching this material one is allowed to profile the key issues which the Swedish society has dealt with during the first decade of the 21st century as well as to make certain observations concerning some most characteristic modes of import and formation of words in the modern Swedish.